

Дискуссия о российском крепостном праве и его последствиях

В 2011 г., когда отмечалось 150-летие освобождения крестьян, Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) при поддержке Отделения историко-филологических наук РАН организовал научную дискуссию по истории крепостного права в России. Проводившаяся как в очной, так и в заочной форме, она началась 17 февраля 2011 г. с заседания «круглого стола» на тему «Крепостное право в истории России», а продолжилась в ходе ряда научных конференций, посвященных 150-летию крестьянской реформы 1861 г. и прошедших при активном участии ученых ИРИ РАН: в Российском государственном аграрном университете – Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (4–5 марта), Государственном Историческом музее (15–17 марта), Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (23–24 марта).

Ведущие историки из академических институтов и ряда вузов страны обсудили ряд важных и продолжающих оставаться спорными проблем, связанных с историей крепостнических порядков и их влиянием на жизнь России на протяжении четырех столетий, с XV по вторую половину XIX в. Открывая дискуссию, директор ИРИ РАН д.и.н. *Ю.А. Петров* остановился на сущности крепостного права, общественной значимости крестьянской реформы 1861 г. и ее 150-летнего юбилея, а также на последствиях освобождения крестьян. От первой фиксированной даты – Судебника 1497 г. до 19 февраля 1861 г. прошло больше трех с половиной веков. За это время сама система крепостничества эволюционировала, развивалась в сторону ужесточения и, казалось, уже достигла своего пика при царе Алексее Михайловиче, когда в 1675 г. был издан указ о разрешении продажи крестьян без земли. Собственно, с этого момента

крепостничество по существу постепенно сближалось с рабством. Эта система особенно интересна с точки зрения причин ее появления. Конечно, сыграли свою роль аппетиты дворянского сословия, его желание получить дармовые рабочие руки. Но едва ли не решающим фактором здесь были интересы самого государства, поскольку Россия могла поддерживать свой великодержавный статус лишь за счет напряжения внутренних ресурсов, за счет народа. Эта система достигла своего апогея в XVIII в., когда Российская империя попыталась добиться некоего синтеза западных технологий и рабского труда.

Такая модель модернизации более или менее эффективно действовала до середины XIX в. Однако Крымская война показала, что она, мягко говоря, уязвима. Прежде всего обнаружился громадный технологический разрыв между Россией и ведущими западными державами, причиной которого, в конечном счете, было крепостничество. Именно осознание этого факта стало главным мотивом, по которому Александр I приступил к подготовке крестьянской реформы. Можно ли говорить в этом контексте, что крепостное право экономически себя изжило, что оно абсолютно утратило экономическую эффективность? Есть точка зрения, что благосостояние крепостных крестьян в целом было в это время не столь уж плохим по сравнению, скажем, с положением английских пролетариев. Но поскольку при разработке крестьянской реформы 1861 г. на первом месте было все-таки не благосостояние народа, а интересы государства, то отмена крепостного права проводилась по привычной модели, то есть за счет народа. Вместе с тем в связи с реформой 1861 г. обрела осязаемые черты и иная модель экономической модернизации, основанная на свободном труде, на рыноч-

ных отношениях: то, что можно назвать «капитализмом». Эта модель оформилась именно под влиянием отмены крепостного права. Достаточно вспомнить, какими громадными темпами росло (разумеется, за счет крестьян) во второй половине XIX в. городское население России.

Перед участниками дискуссии были поставлены следующие вопросы, связанные с историей крепостного права: 1. Понятийно-терминологические аспекты изучения истории российского крепостного права. 2. Причины зарождения и формы крепостного права в России и других государствах Европы. 3. Влияние крепостнических отношений на социально-правовой статус, экономическое положение и психологию крестьянства, дворянства и других социальных групп. 4. Зарождение антикрепостнической идеологии в России в XVIII в. 5. Проекты освобождения крестьян предреформенного периода. 6. Крестьянская реформа 1861 г. и ее реализация. 7. Социально-экономические, политические и культурные последствия отмены крепостного права.

Как отметил в своем выступлении к.и.н. *В.Б. Перхавко* (ИРИ РАН), в научных трудах, школьных и вузовских учебниках по истории феодальной России часто, но далеко не всегда корректно используются понятия «закрепощение», «прикрепление крестьян», «крепостное право», «крепостные крестьяне», «крепостные люди», «крепостные работники», «крепостная община», «крепостная мануфактура», «крепостничество», и др. Все они нуждаются в конкретизации и уточнении. Так, термин «крепостные люди» первоначально, в XVI–XVII вв., применялся только по отношению к полным и старинным холопам и лишь с первой четверти XVIII в. распространился на помещичьих крестьян, которые именно в петровскую эпоху окончательно слились с холопами в одну социальную группу. Между тем научной литературе (вопреки лексике исторических источников) крепостными нередко именуется разные категории крестьянства XVII в. (вотчинные, помещичьи, монастырские крестьяне), XVIII в. (государственные, удельные, кабинетские, приписные, посессионные крестьяне).

Словосочетание «крепостное право» впервые прозвучало в выступлениях помещиков во время обсуждения крестьянского вопроса на заседаниях Уложенной комиссии 1767–1768 гг., но более активно стало использоваться и государственными деятелями и публицистами только с первой четверти XIX в. При этом подразумевалось помещичье право собственности на землю и на крестьянские души. В основе самого термина лежит слово «крепость» в значении «документ, удостоверяющий право собственности на недвижимое имущество». В более широком общественно-политическом смысле русские просветители и историки XVIII в., а позже декабристы называли зависимость крестьян рабством.

Лишь накануне крестьянской реформы 1861 г. в употребление вошли слова «крепостничество» и «крепостник», которые применялись по отношению к непоколебимым защитникам крепостного права, но затем приобрели в марксистско-ленинской историографии слишком широкое толкование. Неправомерно ставить знак равенства между понятиями «крепостное право» («крепостничество») и «феодалная зависимость крестьян». Классическое крепостное право (по крайней мере, в его российской модели), представлявшее собой наиболее суровую форму феодальной зависимости крестьян, выражалось в прикреплении их не только к земле, но и к личности феодала, в лишении крепостных, находившихся в полной (в том числе судебной-полицейской) власти владельца, юридических и экономических прав, наконец, в продаже их без земли.

По мнению д.и.н. *В.А. Кучкина* (ИРИ РАН), крепостное право – это внеэкономическое принуждение крестьян, и есть целый ряд показателей этого внеэкономического принуждения. Крестьяне рассматривались как часть недвижимой собственности помещика и могли закладываться, продаваться, дариться и т.д. Между тем в литературе внеэкономическое принуждение часто смешивается с экономической зависимостью крестьян, которая обуславливалась тем, что крестьяне имели в пользовании помещичью землю. Но экономическая зависимость была присуща не только крепостным крестьянам, но

и так называемым свободным сельским обывателям (государственным, удельным крестьянам и ряду других категорий), т.е. тем, кто не был в крепостной зависимости. Нельзя (вслед за петербургским историком Б.Н. Мироновым) распространять вполне конкретное понятие «крепостничество» на все российское общество.

По мнению к.и.н. *Л.Н. Вдовиной* (МГУ им. М.В. Ломоносова), в основе этимологии терминов «крепостное право» и «крепостное состояние» лежит слово «крепкий», т.е. человек, «крепкий земле», приписанный к земле, лишенный права свободного перехода; человек, «крепкий владельцу», прикрепленный к помещику, крепостной. В исторической литературе под «крепостным правом» обычно имеют в виду высшую степень неполной собственности феодала на крестьянина. Крепостное право в правовом отношении выражалось в прикреплении крестьянина к земле, в праве землевладельца отчуждать крестьянина без земли, в ограничении его дееспособности. «Крепостничество» как систему социальных отношений в ряде случаев принято отличать от «крепостного права» как юридической формы их выражения.

Продолжая разговор о понятийно-терминологических аспектах истории крепостного права, д.и.н. *В.Я. Гросул* (ИРИ РАН) отметил, что при сравнении положения крестьян феодальной эпохи в России и других странах Европы возникают проблемы адекватного перевода с европейских языков на русский тех или иных терминов. В частности, термин *Leibeigenschaft*, упомянутый в «Капитале» К. Маркса, И.И. Скворцов-Степанов перевел как «крепостничество», т.е. крепостное право. В действительности его следовало бы перевести как «феодализм», поскольку для настоящего крепостничества в немецком языке имеется другой термин – *Hörigkeit*. Следует остановиться и на таком понятии, как «крепостное состояние», которое означает фактическое крепостничество. Во взаимоотношениях крестьян и феодалов бывало и такое, когда крестьянин, будучи опутан различного рода обязанностями, не мог покинуть своего места жительства, фактически являясь прикрепленным либо к земле, либо

к личности помещика, хотя формально не был закрепощен.

Член-корреспондент РАН *С.М. Кауштанов* (Институт всеобщей истории РАН) выразил точку зрения, что, отказавшись от материалистического подхода к истории, историки лишились важной основы для понимания многих проблем истории феодальной России, в том числе крепостного права. По его мнению, закрепощение крестьян на Руси с конца XV в. было закономерным и в силу этого прогрессивным этапом развития феодальных отношений. Вместе с тем само понятие «крепостное право» в историографии трактуется по-разному. Иногда его понимают как разновидность феодальной зависимости. Кто-то считает, что для оформления крепостного права достаточно прикрепления крестьян к земле. Тем самым в «крепостном праве» как бы сливаются две составляющих – феодальная и рабовладельческая, причем считается, что первая предшествовала второй. По отношению к крестьянам (не к холопам) российское крепостное право естественно развивалось до тех пор, пока их не стали продавать отдельно от земли со второй половины XVII в.

Для анализа крепостного права в России очень важен компаративный контекст, прежде всего – сопоставление с аналогичными институтами в других европейских странах. Как полагает д.и.н. *М.В. Винокурова* (Институт всеобщей истории РАН), по отношению к Западной Европе более уместен широкий термин «феодализация», описывающий становление феодализма как системы, формирование земельной собственности и феодального поместья, складывание отношений господства и подчинения. Чтобы выразить состояние, близкое термину «крепостничество» в России, по отношению к феодально-зависимому крестьянству Англии, сегодня чаще всего используют термины «вилланство», «вилланы», к крестьянству средневековой Франции – «серваж», «сервы».

В закрепощении крестьян и оформлении системы крепостного права в России, по мнению Перхавко, ведущую роль сыграло государство. Начало прикрепления крестьянства к земле далеко не случайно совпало с завершающим этапом объединения русских земель вокруг Москвы и

созданием единого государства. С одной стороны, возникновение крепостного права в России, как и в соседних странах Центральной и Восточной Европы (Венгрии, Польше, Литве, Прибалтике), было естественным и закономерным процессом в условиях становления крупной собственности феодалов на землю и борьбы феодалов за рабочие руки. Прикрепление крестьян к земле и к личности землевладельца позволили государству сконцентрировать за счет эксплуатации крепостных значительные финансовые и продовольственные ресурсы, использовавшиеся для содержания государственного аппарата, вооруженных сил, активной и наступательной внешней политики. Нельзя не учитывать и суровые природно-климатические условия Восточной Европы, позволявшие создавать в основной отрасли экономики – сельском хозяйстве слишком ограниченный совокупный общественный продукт. Как справедливо указывал Л.В. Милов, крепостное право сыграло роль своеобразного механизма выкачивания средств из деревни. С другой стороны, полное прикрепление к земле и к личности феодала вызвало протест у значительной части крестьян, особенно недовольных барщиной. Он выливался и в бегство крепостных на южные окраины, в Сибирь, и в крестьянские волнения разного масштаба. Крепостное право отрицательно сказалось и на крестьянской психологии.

В.Д. Назаров (Институт всеобщей истории РАН) согласился с утверждением Каштанова о безотрадном состоянии современной отечественной историографии по истории зарождения крепостнических отношений в России. До середины 1980-х гг. среди советских историков господствовала точка зрения о постоянно нарастающем развитии крепостничества, которая явно нуждалась в коррективах. Становление крепостного права не было линейным и происходило в основном в последней четверти XVII и первой половине XVIII в. По отношению к более раннему времени можно говорить лишь о прикреплении к земле. Эту точку зрения поддержал Перхавко. По его мнению, крепостное право в России окончательно сложилось не в 1649 г., а после указов

1675 и 1688 гг., когда государство разрешило вотчинникам свободно продавать и приобретать крестьян без земли. Родственники могли делить между собой вотчинных крестьян, передавать их по наследству и в качестве приданого. До 1714 г., т.е. до окончательного слияния поместья с вотчиной, поместные крестьяне могли перейти от одного владельца к другому лишь на основании поступных грамот. Заключительными аккордами оформления системы российского крепостного права в петровскую эпоху стали слияние частновладельческих крестьян и холопов в одну социальную группу крепостного населения и распространение на нее подушной подати (1718–1724 гг.). С 1721 г. лица недворянского происхождения, владевшие мануфактурами, получили право приобретать для них крестьян. Государственных и дворцовых крестьян (своего рода полукрепостных) с конца XVII до начала XIX в. правители России могли раздавать в частные руки, превращая в крепостных. К.и.н. *В.А. Аракчеев* (Псковский педагогический университет), не соглашаясь с концепцией Л.В. Милова об определяющем значении природно-географического фактора в формировании системы крепостного права в России, подчеркнул, что первостепенную роль в этом длительном и постепенном процессе сыграло государство, крайне заинтересованное в прикреплении всех податных групп населения к тяглу.

На истоках закрепощения крестьян сконцентрировал свое внимание Кучкин. В период политической раздробленности, несмотря на отдельные ограничения, крестьяне могли переходить и внутри княжества, и даже за его пределы. Их зависимость от феодалов имела главным образом экономический (долговой) характер и была связана с кредитованием. Закрепостительные правовые тенденции, отчасти основывавшиеся на практике, которая существовала в различных княжествах, резко усилились в эпоху завершения объединения русских земель вокруг Москвы. Как только образовалось централизованное государство, стало ясно, что крестьянину уходить некуда, и именно в этот период начинаются отливы населения, когда беглые люди уходят на юг, туда,

где не было власти русского правительства. Но значительно усилившаяся великокняжеская (а затем царская) власть пошла по пути постепенного прикрепления крестьян к земле, с тем чтобы с помощью уже внеэкономического принуждения заставить их работать и на государство, и на землевладельца.

Д.и.н. *К.А. Аверьянов* (ИРИ РАН) настаивал, что длительное обсуждение двух концепций оформления крепостного права (так называемого указного и безуказного закрепощения), возникших еще в дореволюционный период, сыграло определенную негативную роль в отечественной историографии. За юридическими деталями самого процесса прикрепления крестьян к земле в тени оставались основные причины закрепощения русского крестьянства. Он также подверг сомнению тезис советских историков о том, что непосредственно перед эпохой закрепощения крестьян, в 1570–1590-х гг., в стране разразился «хозяйственный кризис». Присоединение в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств открыло путь для освоения плодородных районов Центрального Черноземья и Поволжья. Постепенно сюда направляется возрастающий поток переселенцев. Все это привело к известному запустению основной территории страны. Если раньше в центральных районах России при сохранении права крестьянского «выхода» происходил своеобразный круговорот рабочих рук, то в новых условиях здесь начинает наблюдаться их нехватка. Для правительства самым простым способом решения этой проблемы стало временное, а затем постоянное запрещение крестьянского выхода.

По мнению Вдовиной, крепостное право являлось важнейшей частью системы государственного феодализма в России. Режим крепостничества стал для российского государства и дворянства надежным средством изъятия прибавочного продукта у крестьянства. Милов называл систему крепостного права механизмом «выживания» в российских условиях. Еще одним компонентом выживания была крестьянская община, которая регулировала хозяйственные, податные, судебные отношения между собственником земли и крестьянами, обеспечивала до определен-

ных пределов социальную стабильность, помогая отдельным крестьянским хозяйствам в критической ситуации. Система государственного феодализма, а также сохранение крестьянской общины тормозили вызревание у крестьян представлений о частной собственности на землю.

Принимая объяснения объективных причин зарождения и длительного существования крепостничества в России, его нельзя не рассматривать как абсолютное нравственное зло, — полагает д.и.н. *Ю.Н. Смирнов* (Самарский государственный университет). Хотя временами принудительная мобилизация могла приносить некоторый положительный эффект, цена за это, по его мнению, была чрезмерна. Крепостное право не только унижало зависимых людей, парализовало их активность и способности, оно развращало и само господствующее сословие.

Винокурова привела в своем выступлении материалы по Западной Европе, где по сравнению с Восточной Европой (в частности, с Россией) процесс закрепощения крестьян был более ранним и интенсивным. Так называемое закрепощение (точнее, попадание в феодальную зависимость) западноевропейского крестьянства приходится на период VIII–XIII вв. и начинается с раздачи феодалам иммунитетных хартий и передачи им публично-правовых функций в отношении крестьян. Таким образом последние оказались в прямой зависимости от феодалов, но не от государства. С XI в. в английских источниках появляется информация о феодально-зависимых крестьянах-вилланах, во Франции они именовались «сервами». Крайнее развитие «вилланства» приходится на XIII в. (век «феодальной реакции» в Англии), когда, согласно общему праву, выраженному особенно четко в доктрине известного английского правоведа Генри Брактона, статус виллана приравнивали к статусу раба римского права. Уже с конца XIII в. и на протяжении следующих двух столетий в связи с переходом к денежной форме феодальной ренты (коммутация барщины) происходит постепенное освобождение вилланов от личной зависимости. Это освобождение могло совершаться по грамоте (за выкуп в присутствии свидетелей) или путем бегства в города. Вилланство

в Англии эволюционирует в сторону копигольда (формы держания, при которой на право владения земельным участком крестьянам выдавалась копия документа), распространившегося с XV в. Во Франции серваж постепенно замещается цензивой – формой держания, при которой крестьянин-цензитарий также освобождается от личной зависимости и его право на вещный объект (крестьянский надел) фактически приближается на протяжении XV–XVIII вв. к мелкой крестьянской собственности, юридически освобожденной во время Французской революции и далее получившей правовую фиксацию в Кодексе Наполеона. В XVI в., когда в России продолжается процесс прикрепления крестьян к земле, в Англии и отчасти в Северной Франции начинается раннекапиталистическая эволюция крестьянского хозяйства и хозяйства лендлордов. Таким образом, темпы и формы социально-экономического развития на западе и востоке Европейского континента явно не совпадали.

О необходимости продолжения целенаправленной разработки проблемы зарождения и функционирования крепостного права в России в сравнении с соседними странами Европы (прежде всего Польшей) говорил, выступая в дискуссии, член-корреспондент РАН *Б.Н. Флоря* (Институт славяноведения РАН). Д.и.н. *Н.А. Иванова* (ИРИ РАН) выдвинула положение об отсутствии в дореформенной России сословия крепостных крестьян и позднее (после 1861 г.) оформлении крестьянского сословия в целом. Крепостное крестьянство, по ее мнению, находилось вне сословного правового поля, в котором обязанности сочетались с правами. По мнению к.и.н. *А.В. Ковальчука* (ИРИ РАН), необходимо отличать несвободных работников мануфактур (посессионных, «вечноотданных к заводам», находившихся на положении полукрепостных и прикрепленных прежде всего к предприятию, а не к его владельцу, от частновладельческих помещичьих крестьян. Первых, в отличие от вторых, нельзя было продавать отдельно от недвижимости (предприятий).

Расцвет системы крепостного права, распространявшейся каквширь (на новые районы страны), так и вглубь (с

помощью антикрестьянского крепостнического законодательства), приходится на 1725–1797 гг., когда крепостные крестьяне, лишенные экономических и юридических прав, оказались в полной власти помещиков и феодально-абсолютистского государства. Вместе с тем именно к екатерининской эпохе относится зарождение антикрепостнической идеологии в России. Продолжая участие в дискуссии, Вдовина отметила, что Уложенная комиссия 1767–1768 гг. впервые обозначила существование крестьянского вопроса, дала возможность публично, в печати обсуждать тяжелое положение крестьянства. Как соотносить просвещенный абсолютизм Екатерины II и очевидное укрепление крепостного права в ее царствование? Ответ на этот вопрос после разговора с Д. Дидро она дала сама, заметив, что высокими идеями философа хорошо наполнять книги, но действовать по ним плохо. Осознав неготовность русского общества решить крестьянский вопрос, сделала вывод д.и.н. *Л.М. Артамонова* (Самарская государственная академия культуры и искусств), Екатерина II перенесла свои аболиционистские намерения и ожидания в сферу образования и воспитания, т.е. Просвещения в первоначальном и узком смысле этого слова. Некоторые другие участники дискуссии напомнили об указе Павла I 1797 г. о трехдневной барщине как о первой вехе на пути к смягчению крепостного права.

Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные отношению Церкви к крепостному праву. Как утверждала к.и.н. *В.С. Румянцева* (ИРИ РАН), патриарх Никон негативно воспринимал (не только в период своей опалы, но сразу же по вступлении на патриарший престол) Соборное Уложение 1649 г. и называл его «беззаконной книгой». Д.и.н. *Н.Н. Лисовой* (ИРИ РАН) отстаивал тезис об отсутствии у Церкви реальных возможностей повлиять на изменение государственной крепостнической политики, хотя в отдельных случаях священники и епископы ратовали за более мягкое отношение помещиков к крестьянам.

К.и.н. *И.В. Ружицкая* (ИРИ РАН), оставившись на анализе проектов освобождения крестьян первой половины XIX в.,

пришла к выводу, что деятельность Секретных комитетов по крестьянскому вопросу в николаевскую эпоху создала «теоретическую базу» реформы 1861 г. В ходе их работы был сформулирован целый ряд положений будущего преобразования (необходимость переходного периода, отказ от выкупа личной свободы и от безземельного освобождения), разработан порядок наделения крестьян землей при сохранении дворянского землевладения, определены будущие административное и судебное устройство крестьян. При Николае I к отмене крепостного права было подготовлено общественное мнение и сформированы силы, осуществившие реформу. Это «просвещенные» или «либеральные бюрократы»: представители правительственного реформизма старшего поколения и молодые чиновники, проявившие себя уже в ходе подготовки преобразований 1860-х гг. По мнению Флори, при изучении истории подготовки крестьянской реформы 1861 г. целесообразно обратиться к опыту осуществления аграрных преобразований в Австрии и Пруссии, который анализировался в свое время сторонниками отмены крепостного права в России.

Гросул обратил внимание на важность изучения всего разнообразия настроений русского крестьянства накануне 1861 г. Наряду с теми, кто жаждал поскорее обрести свободу, были даже такие крестьяне, которые соглашались при определенных условиях на сохранение крепостных отношений. Больше всего крестьянство желало или сохранить свои прежние земельные наделы при ликвидации обязательности работ на помещиков или даже полностью разделить все помещичьи земли. Не случайно в известной прокламации «Великорус» в 1861 г. говорилось о двух партиях среди крестьянства, одна из которых желала полного перехода всей земли в собственность крестьян без выкупа, а другая ратовала за сохранение прежних участков, но тоже без выкупа.

По мнению выступавших на «круглом столе» и конференциях, освобождение крестьян и последовавшие за ним другие реформы при всей их ограниченности все-таки открыли дорогу для ускоренного развития капитализма в России и станов-

ления в стране зачатков гражданского общества, хотя еще сохранялись многочисленные пережитки прошлого.

Гросул привлек внимание участников дискуссии именно к ограниченности отмены крепостного права. Наделы крестьян сократились за счет так называемых отрезков. Острейший аграрный вопрос конца XIX – начала XX в. был порожден во многом именно крестьянской реформой 1861 г. К.и.н. *А.С. Минаков* (Орловский государственный университет) привел материалы о крестьянской реформе в Орловской губ., где с момента оглашения Манифеста 19 февраля до конца 1861 г. было отмечено 123 выступления крестьян, недовольных условиями своего освобождения. 230 тыс. бывших крепостных получили в результате реформы наделы от 1 до 3 десятин на душу мужского пола, что препятствовало нормальному ведению хозяйствования. Денежный оброк за 3 десятины составлял 9 руб. в год, а в результате выкупной операции стоимость надела возрастала более чем вдвое. Крестьянин оставался в разорительной экономической зависимости от помещика.

Д.и.н. *С.А. Козлов* (ИРИ РАН) также заострил внимание на негативных последствиях отмены крепостного права. Если сразу же после реформы 1861 г. в российском обществе появляется заметная эйфория, связанная с оживлением надежд на быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости, то вскоре на передний план вновь выступают нерешенные проблемы: слабая техническая оснащенность помещичьих и крестьянских хозяйств, отсутствие средств для их развития, бедность и малоземелье сельских тружеников. Субъективные же проблемы коренились в особенностях традиционного менталитета: пресловутой «обломовщине» у землевладельцев, печально знаменитом крестьянском «авось», неумении и зачастую нежелании тех и других работать интенсивно. В первое пореформенное десятилетие помещичьи хозяйства Центральной России пережили острейший кризис. Многие землевладельцы разорились и бросили свои имения, переселившись в города. Зачастую как крестьяне, так и землевладельцы проявляли поразительную неуступчивость по

отношению друг к другу, не желая идти на какие бы то ни было компромиссы. Крестьяне диктовали цены на вольнонаемный труд, нередко превышавшие разумные, а их бывшие владельцы не желали уступать землю в аренду по приемлемой цене. Государственная аграрная политика была крайне непродуманной. Практически ничего не делалось для того, чтобы помочь перестройке помещичьих хозяйств. Отсутствовала система краткосрочного кредита, не был законодательно урегулирован рынок наемного труда. Главное же заключалось в том, что реформа 1861 г. никак не способствовала укреплению у крестьян частнособственнических инстинктов.

Российский опыт относительно свободной социальной конкуренции и налаживания социального партнерства оказался очень краток и беден, констатировал Смирнов. Полувека пореформенного развития не хватило, чтобы россияне разных классов и состояний оказались готовы встретить вызовы XX в. национальной солидарностью, а не гражданским противостоянием. Напротив, по мнению д.и.н. *М.А. Давыдова* (Российский государственный гуманитарный университет), Великие реформы заслуживают самой высокой оценки. Помимо ликвидации крепостного права они дали стране независимый суд, местное самоуправление, реальную свободу слова, реформы образования, свободу передвижения и многое другое, что с течением времени должно было преобразить ее. Но Россия могла бы добиться гораздо большего, если бы сразу после 1861 г., а не с конца 1906 г. начала реализовываться концептуальная идея крестьянской реформы – превращение крестьян в собственников своих наделов. Вместо этого с середины 1870-х гг. был взят курс на закрепление общинного начала в русской деревне. Давыдов связал сохранение уравнильно-передельной общины с крепостническим мышлением значительной части образованного общества, а также с эпидемическим распространением в пореформенной России социалистических идей (в народническом, марксистском, земском и государственно-бюрократическом вариантах).

К.и.н. *И.А. Христофоров* (ИРИ РАН) обратил внимание на противоречивость правительственной политики в деревне на протяжении всего пред- и пореформенного периода. С одной стороны, реформаторы руководствовались желанием сделать крестьян более предсказуемыми и управляемыми, рационализировать их и поставить под контроль в качестве производителей и налогоплательщиков (причем не столь важно, считалась ли лучшим средством для этого мелкая собственность или же община). С другой стороны, те же самые реформаторы систематически романтизировали крестьянство как носителя и оплот исторических традиций, как тот самый «народ», который является опорой стабильности и гарантом уникального «русского пути» развития. Эта противоречивость отчетливо проявилась не только в реформе 1861 г., но и в непомерно идеализируемой сейчас столыпинской аграрной реформе. По уровню административного регулирования и вмешательства в жизнь деревни она намного превосходила все предыдущие попытки власти что-то сделать с крестьянами. Но никуда не делась во времена Столыпина и прежняя патерналистская парадигма – просто место воображаемого патриархального общинника занял в ней столь же мифический хуторянин. В этом смысле столыпинская реформа парадоксальным образом оказалась возвращением к идеям 1830–1840-х гг., когда община еще не стала в бюрократических и общественных кругах предметом культа, а нормой считалось насаждение семейных хозяйств (в том числе и на хуторах). Именно этим пыталось заниматься Министерство государственных имуществ при П.Д. Киселеве. Между тем бесконечные споры об общине и метания правительства от попыток ее разрушения к поддержке и обратно очень часто отвлекают внимание историков (как это происходило и с современниками) от реально происходивших в экономической, административной, правовой сферах процессов.

Многие участники дискуссии с сожалением констатировали ослабление внимания в отечественной исторической науке последних десятилетий к проблемам истории крестьянства и сельского хозяйства

как России, так и других стран мира. Был выделен целый ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшем объективном изучении: 1) содержание понятий, связанных с крепостным правом; 2) сравнение российской модели крепостного права с феодальной и крепостной зависимостью крестьянства в других странах Европы; 3) роль крепостного труда в истории российской мануфактурной промышленности; 4) вопрос о кризисе феодально-крепостнической системы накануне 1861 г.; 5) сильные и слабые стороны реформы

1861 г., соотношение ее с последующей правительственной политикой. Артамонова выразила мысль о своевременности идеи о создании обобщающего труда по истории крепостничества в России, основанного на надежном источниковом фундаменте и новейших разработках российских историков.

В.Б. Перхавко,
кандидат исторических наук
(Отделение
историко-филологических наук РАН,
Институт российской истории РАН)

Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

27 апреля 2011 г. состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – совместного постоянно действующего проекта Центра аграрных исследований¹ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЦАИ РАНХиГС) и научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации»². В первом заседании семинара приняли участие ученые, представлявшие журналы, научно-исследовательские организации и вузы Москвы, Казани, Пензы, Тамбова. Внимание выступавших было сконцентрировано на анализе различных моделей решения аграрного вопроса, определении его места в истории, сопоставлении отечественного и зарубежного опыта аграрных реформ. На обсуждение участников были вынесены доклады главного редактора журнала «Российская история» А.Н. Медушевского и казанского историка-крестьяноведа Д.И. Люкшина.

Медушевский в докладе «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» рассмотрел аграрный вопрос как теоретическую конструкцию, выражающую кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Решающим фактором инициирования реформ были не экономика и демография, а философско-этические соображения, связанные с моральной экономикой и нравственными основаниями распределения собственности. Роковой для судеб реформ оказалась ситуация правового дуализма – параллельного существования двух конфликтующих систем права – позитивного (отражавшего западные представления и насаждавшегося государством в интересах модернизации) и обычного (соответствовавшего порядкам общины с ее традиционализмом, коллективизмом, уравнительно-распределительными началами трудовой этики, противоположными принципам рыночной экономики). Представления о несправедливости распределения земли нарастали по мере юридического закрепления крестьян. Планка социальных запросов крестьянства оказалась выше его способности конвертировать новый правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция развивала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных последствиях. В этом состоял «специфический российский феномен завышенных ожиданий», приведших к аграрной революции. Возможность революционного срыва превратилась в реальность в результате комбинации традиционалистского массового сознания (протестующего против позитивного права, не соответствующего обычно-правовым представлениям), авторитаризма политической власти (не допускающей изменения позитивного права и отношения собственности) и экстремизма радикальной интеллигенции (использующей конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей)³.

В докладе *Люкшина* «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» прозвучал тезис, согласно которому вопрос этот (как проблема предоставления крестьянам земли) в России не существовал, поскольку не мог быть решен. Нехватка земли перестала быть злобой дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого